

ПАВЕЛ ХАНТ

INCERTAE SEDIS

РАССКАЗ

— Долго ещё? — в очередной раз спросил Артём.

— Долго, — в очередной раз ответила Ксюша.

Я в очередной раз промолчал.

Это продолжалось уже третий час. Следуя лишь ему известному расписанию, Артём откладывал смартфон, потягивался, громко зевал, наклонялся вперёд и задавал всё тот же вопрос. А Ксюша, демонстрируя полную невозмутимость, давала всё тот же ответ. Никто из них не собирался уступать другому и как-либо нарушать сложившийся порядок — и несчастные слова звучали в салоне машины снова и снова.

Я не участвовал в этой игре, сосредоточившись на управлении автомобилем. Несмотря на хорошую видимость, идеально ровную дорогу и полное отсутствие встречного транспорта, я старался не расслабляться и думать исключительно о вождении. Получалось плохо.

Вчерашним вечером мы с Ксюшей, честно разделив обязанности, занимались ужином, пока лежавший на столе планшет не издал требовательный писк. А дальше началось: сообщение, последние строчки которого остались недочитанными, очередная вспышка безудержного энтузиазма, нотки чрезмерной заикленности, её уговоры и моё согласие. Финальный акт — звонок Артёму. Выехали мы следующим утром.

— Долго ещё? — вновь прозвучало с заднего сиденья.

— Долго.

Я на мгновенье отвлекся от дороги и глянул на Ксюшу. Всё так: рыжеволосая девушка совершенно не изменилась в лице, отвечая на один и тот же

ХАНТ Павел (Горбачёв Павел Алексеевич) родился в 1994 году в Люберцах. Окончил Московский городской педагогический университет, факультет психологии и социальных отношений. Работает в книжном интернет-магазине "Лабиринт". Публикуется впервые.

вопрос уже в двадцатый раз. Не изменилась и её поза: расслабленно устроившись на переднем сиденье, Ксю выставила руку в открытое окно. Изыщные пальцы перебирали струны ветра и солнечные лучи.

В зеркале заднего вида мелькнуло лицо Артёма — брата, совершенно непохожего на сестру. Нестриженные каштановые волосы против аккуратных рыжих, карие глаза против голубых, мрачные цвета одежды, замкнутость в общении с незнакомцами и — самое характерное — безнадёжная зависимость от гаджетов. Иногда мы даже шутили, что не Тёма берёт с собой телефон, а телефон берёт с собой Тёму.

На перекрёстке я мягко прижал тормоз и наклонил руль вправо. Автомобиль с готовностью повернул, но дальше стал двигаться настороженно, припадая бампером ближе к асфальту, словно припихиваясь. Каждая неровность вызывала у него фырканье и недовольную вибрацию.

Дорога ухудшилась, но пейзаж оставался всё тот же. Растягивающиеся за окном поля обрастали деревьями и превращались в не менее растягивающиеся леса, а те с расстоянием лишались своей густой растительности и возвращались к прежнему степному виду. И если поначалу непривычные городскому жителю картины вызывали искренний восторг и неудержимое желание тыкать пальцем в стекло машины, то сейчас даже стадо громко мычащих коров или жонглирующая солнечными бликами речушка оставались без нашего внимания.

— Долго ещё?

— До-о-олго, — протянула Ксюша. Пошевелившись, она скинула кеды и забралась на сиденье с ногами. Сверкнули ярко-жёлтые носки.

Тихий гул автомобиля и свист ветра. Мелкая дрожь руля под ладонями. Одни и те же виды. Одни и те же мысли. Всё та же задача, которую я не могу решить.

— О, нет, — послышалось сзади.

Не считая дежурного вопроса, это были первые слова, произнесённые Артёмом с момента отбытия из города. Должно было произойти что-то немислимое, чтобы он нарушил правила затеянной им же игры.

— Нет-нет-нет-нет! Не может быть! — продолжал стонать Тёма.

— Я победила, — подвела итог Ксюша и повернулась к брату. — Что у тебя случилось?

— Интернет пропал. Вообще. Всё. Ничего не грузит!

Я заглянул в зеркало и выловил взгляд, полный скорби и растерянности.

— Чего улыбаешься? — спросило меня отражение. — Куда ты нас завёз? Зачем мы вообще приехали в эту глушь?

— Ты же сам вчера согласился, — заметил я, не оборачиваясь.

— А какой у меня был выбор? Тупо просидеть ещё один день летних каникул дома?

Я пожал плечами и вновь сосредоточился на дороге. Мой собеседник, не дождавшись другого ответа, вернулся к телефону, но через несколько секунд раздражённо отбросил его.

— Бесполезно, — пробурчал Артём. Покрутив головой по сторонам и не обнаружив ничего интересного, он протяжно вздохнул. — Ладно, а если серьёзно: ещё долго?

— Долго, — с готовностью ответила Ксюша и хихикнула. — А если серьёзно: спроси у Роста.

— Спрашиваю у Роста.

Я поморщился. Люди ко всему привыкают. Привыкают к нормам, обычаям и законам, мирятся с ограничениями, подстраиваются под любые жизненные условия и — уж тем более — принимают своё собственное имя. А я не смог. Заканчивается третий десяток лет, но меня до сих пор передёргивает и от “Роста”, и от ещё более громоздкого, неуклюже древнего “Ростислава”.

— Думаю, ещё около получаса, — сказал я.

— Получаса? Не уверен, что продержусь столько без интернета. — Артём поёрзал. — Ну, а куда мы всё-таки направляемся? И зачем?

— Ксю тебе не объяснила?

— Она сказала лишь, что я буду жалеть, если не поеду. Но пока я жалею только о том, что поехал!

— В любом случае, не отвлекай водителя. Спрашивай у неё.

— Да она не расскажет!

— Эй, я вообще-то здесь, — вмешалась Ксюша. Она подняла стекло, защищаясь от озорного ветра, и повернулась к нам. — И я вполне могу всё рассказать... если меня хорошо попросить.

— Ну... Пожалуйста?

— Ты же понимаешь, что этого недостаточно?

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста?

— Я даже отвечать не буду.

Артём снова наигранно вздохнул и замолчал, глубоко задумавшись. Ксюша внимательно за ним следила, но спустя минуту потеряла интерес и вернулась к окну, напевая какую-то полужнакомую мелодию.

— Пообещай, что будешь называть её лучшей в мире сестрой целую неделю, — предложил я.

Ксю оживилась:

— Вот! Рост знает, как задобрить девушку. Ну что, братец, согласен?

— Да, — кисло ответил Артём.

— Да — кто?

— Да — лучшая в мире сестра.

Ксюша довольно улыбнулась, приподнялась на сиденье и устроилась поудобнее, поджав под себя ноги.

— Скажи, братец, знаешь ли ты, что такое “*Incertae sedis*”?

— Только не это. Опять какие-то умности, связанные с твоей работой?

— Вся наша поездка связана с моей работой, так что помолчи и послушай. — Её лицо накрыло серьёзное выражение, а речь стала чёткой и размеренной — так происходило каждый раз, когда Ксю затрагивала так любимую ею тему биологии. — *Incertae sedis* — это термин, который применяют к определённым виду, когда не знают, к какой группе его отнести.

— То есть...

— То есть представь, что где-то на палеонтологических раскопках нашли останки древнего организма, похожего на жука. Назовём его Артёмом.

— Эй, нет, погоди...

— У Артёма, — перебила своего брата Ксюша, — полный набор типично жуциных признаков: панцирь, усики и шесть лапок. Но, кроме того, у Артёма также обнаружился длинный, ужасно громоздкий хвост, который бедняга всюду за собой таскал. И вот хвост — это совсем не по-жуциному. Даже больше: с эволюционной точки зрения объяснить наличие такого неудобного органа невозможно.

— Что, если этот хвост и послужил причиной гибели Артёма? — предположил я.

— Вполне возможно, — кивнула Ксю. — Так кем же был наш объект исследования? Жуком? С таким хвостом — нет. Рептилией? Снова нет. Единичной мутацией? Представителем какого-то совершенно неизвестного отряда? Как знать. Учёные могли бы спорить на эту тему до бесконечности, а сам Артём уже не в силах объяснить, кем он себя считал. Вот и получается один из случаев *Incertae sedis*, неопределённого положения: особь есть, а причислить её некуда.

Пока Ксюша объясняла нам значение латинских выражений, дорога значительно улучшилась: теперь под колёсами снова лежал ровный, аккуратный асфальт, возникло подобие ограничительного забора, вернулась разметка. Мы приближались к цивилизации.

— Отлично, теперь мне стало жалко Артёма, — сказал Артём. — Но всё-таки, к чему был этот пролог? Хочешь сказать, вы нашли какого-то нового жука?

— Не жука. Дерево.

— Новое дерево?

— Не совсем новое, нет. Скорее малоизученное... Очень редкое... — Ксюша будто уже потеряла нить разговора, напряжённо вглядываясь во что-то впереди. — Это что, заправка?

Я сбросил скорость. Через сотню метров действительно было ответвление — заезд к одноэтажному магазинчику с небольшой парковкой и тремя топливораздаточными колонками. Внешний вид территории не создавал впечатления места, пользующегося всенародной любовью: парковочные места пустовали, шланги от колонок лежали на асфальте дохлыми змеями, а само здание нуждалось в срочном ремонте. Впрочем, после двухчасового вояжа по сельской местности подобный магазин казался нам образцовым супермаркетом, и даже обшарпанная вывеска “П—ук-ы”, растерявшая половину букв, выглядела как апогей дизайнерской мысли.

— Как думаете, у них есть Wi-Fi? — спросил Артём, разглядывая проплывающее мимо строение.

— Я удивлюсь, если у них есть бензин, — буркнул я и надавил на педаль газа. — Здесь нам делать нечего.

— Стой-стой, как это нечего? — запротестовала Ксюша. — Я хочу туда.

— Зачем?

— За едой. Я голодная. Тормози!

Пришлось остановиться.

Мы стояли на парковке, прислонившись к моему серебристому автомобилю-“хетчбэку”. Я — зажмурившись и подставив лицо ласковому солнцу, а Тёма — традиционно склонившись над экраном смартфона. Ксюша суетилась внутри магазина; периодически её можно было поймать взглядом через широкое окно, вспоротое двухметровой трещиной.

— Думал наугадить что-нибудь про это “инцирте седис”, — подал голос Артём, — но, естественно, без интернета ничего не получилось...

Я открыл глаза и залюбовался великолепием чистого неба, настолько же прозрачного, насколько прозрачными были намёки Тёмы. Подыгрывать ему я не собирался, так что просто промолчал.

— Какие-то старые новые деревья... Что Ксю имела в виду? — Он с надеждой глянул на меня. — Слушай, она же наверняка тебе рассказывала...

— Рассказывала.

— И ты уже не за рулём...

— Не за рулём.

— Значит, тебе ничто не мешает объяснить всё про эти деревья!

— Вряд ли кто-то может объяснить лучше Ксюши. Уж точно не я. — Заметив через стекло наши пристальные взгляды, девушка весело помахала пачкой чипсов, и мои мысли повернули совсем в другую сторону. — Знаешь, иногда я не понимаю, почему она со мной возится.

Артём явно смутился, повертел в руках бесполезный смартфон и убрал его в карман. Парню редко доводилось слушать о моих переживаниях. Особенно о тех, что касались сестры.

— Ну... А почему нет? Ты же неплохой человек. Умный, образованный, ответственный, добрый. — Тёма загнул четыре пальца, посмотрел на пятый и замешкался. — С чувством юмора?

Я с подозрением глянул на него.

— Это ведь Ксюшины слова, а не твои, правда?

— Ну да. Она так всё время говорит, когда обсуждает тебя с родителями.

— А что ещё она говорит? — осторожно спросил я.

— Рассказывает, как вы живёте... Вообще-то Ксю не так уж часто теперь заходит, поэтому все её слова я не вспомню. Почему ты спрашиваешь?

Момент истины. Если мне действительно нужны советы и поддержка, то просить об этом необходимо сейчас: пока не вернулась Ксюша, пока настроен говорить её брат. Я должен признаться в том, к чему мысленно возвращаюсь каждый час и каждый день, я должен признаться в решении, к которому стремлюсь и которое никак не приму, подобно тому, как растение стремится к недостигаемому солнцу. Я должен признаться — или мучиться дальше.

— Потому что я уже несколько недель думаю о том, чтобы сделать ей предложение, — проговорил я.

Артём отпрянул от машины и уставился на меня, приоткрыв рот. Да, именно такую реакцию я себе и представлял.

— Ты серьёзно?

— Да. Я серьёзно. Ты не мог бы сделать лицо попроще, пока Ксюша не заметила?

Тёма поморгал, зачем-то выудил из кармана смартфон, непонимающе на него посмотрел и сунул обратно.

— Ну, хорошо. Это здорово, — наконец ответил он. — Давно пора.

— Ты так считаешь?

— Конечно. В смысле, сколько вы уже встречаетесь, три года? А с марта и живёте вместе. Так чего ждать?

— Не знаю. — Я пнул ногой мелкий камешек, когда-то бывший частью здешнего асфальта. — Это серьёзный шаг, и я просто... не знаю. Как можно быть уверенным в таком? Откуда мне знать, что она готова связать жизнь со мной? Откуда знать, что я идеально ей подхожу?

Артём молчал. Либо он не мог дать мне какой-либо совет, либо просто не хотел — и это лишь усилило мою неуверенность.

— Ты же знаешь свою сестру, — продолжил я. — Ты много раз видел, как при малейшем намёке на что-то интересное она готова сорваться с места и отправиться неизвестно куда, будь то загадочное мифическое дерево или разваливающийся магазинчик у дороги. Для неё такие выходы абсолютно нормальны. А я — не такой. Мне нужно подумать, взвесить все “за” и “против” — и только тогда принять решение. Как и в этот раз.

До сих пор у меня не было возможности перед кем-то выговориться — я не мог рассказать об этом ни друзьям, ни самой Ксюше, — и выслушивать тяжёлый град моих сомнений пришлось парню, который был младше на семь лет. К концу монолога я уже пожалел, что втянул его в этот разговор. Проблемы взрослых должны решать сами взрослые.

— А впрочем, Тём, знаешь что? Давай мы просто...

— Я хорошо помню, как долго ты решался на поступление в автошколу, — вдруг сказал Артём. — Ты обсуждал это с Ксюшей, обсуждал со мной и даже с нашими родителями. Ты постоянно читал статьи на эту тему и пытался рассчитать, стоят ли вообще того все вложенные усилия и деньги.

— Да, это был нелёгкий выбор.

— Как и любой другой. Но ты его сделал. Теперь у тебя есть права и есть машина, и мы можем поехать куда угодно. Так скажи мне, Рост: ты хоть раз об этом пожалел?

— Ни разу, — признал я, удивляясь непривычной рассудительности Артёма.

— Ну, вот! — победоносно воскликнул он.

Я собирался уточнить, что именно значило его “Ну, вот!”, но в этот же момент, тихонько звякнув подвешенным колокольчиком, открылась магазинная дверь, и из продуктового царства к нам вышла Ксюша — только почему-то без самих продуктов.

— Чего вы тут кричите? Опять без меня спор затеяли?

— Рост не хочет рассказывать мне об этом вашем дереве, — нашёлся Артём.

— И правильно делает. — Ксю подняла палец и притворно нахмурилась. — Ибо легенда гласит, что поведать о древе может лишь самая лучшая в мире сестра.

— А добыть нам еду лучшая в мире сестра не может? Почему ты с пустыми...

Ксюша медленно направила палец на своего брата, заставив его притихнуть, и обратилась ко мне:

— У тебя есть наличка? А то карту не принимают, потому что у них терминал перестал работать.

Я кивнул, достал из бумажника крупную купюру и обменял её на поцелуй в щёку. Когда лучшая в мире сестра вернулась к единственной в магазине кассе, я возобновил разговор:

— Так что за “Ну, вот”?

— А?

— Ты сказал, что у меня есть права и машина, а это значит, что...

— Это значит, что ты просто взял и сделал; принял верное решение, которое оказалось очень удачным для всех нас! Так и надо поступать.

— Но оно оказалось удачным как раз потому, что я всё тщательно обдумал, а не “просто взял и сделал”, — возразил я. — Это всё — результат долгого анализа и подготовки.

— Да нет же! Ты как-то все мои выводы перевернул по-своему! Я совсем не это имел в виду!

— Тише. Ксю уже возвращается... Я понял, что ты имел в виду. “Просто взять и сделать”.

— Да. И не жалеть.

— И не жалеть, — повторил я и шагнул навстречу своей девушке, чтобы помочь ей с пакетами.

Три упаковки чипсов, три упаковки сухариков, два литра мультифруктового сока, пачка овсяного печенья, килограмм яблок, банка сухофруктов, молочная шоколадка — и наша поездка стала намного оживлённее. Салон автомобиля моментально наполнился приятными запахами. И пока Ксюша и Артём увлечённо хрустели добытым провиантом, мне, как единственному обладателю водительских прав, приходилось довольствоваться несъедобной баранкой.

— Будешь орешек? — участливо спросила Ксю, обнимая банку сухофруктов.

— Да.

— Грецкий?

— Нет.

— Кешью?

— Давай.

— Нет, кешью я сама съем. — Она закинула в рот изогнутый орех. — Арахис?

— Миндаль есть?

Ксюша протянула угощение, и я нащупал его кончиками пальцев, стараясь не отвлекаться от дороги. Обстановка снаружи, впрочем, совсем не изменилась — за исключением солнца, которое взлетало всё выше и выше на своих небесных качелях. Я подумал, что скоро оно достигнет зенита, откуда без труда увидит то самое дерево. Только нам об этом не сообщит.

— Прудавец-в-магажине... Ша... — Ксюша прожевала и попробовала ещё раз: — Продавец в магазине всё пытался выведать, куда мы направляемся. Говорит, у него никогда с утра столько покупателей не было. Мол, до нашего появления заходило десятка два человек, совершенно точно не местные: в костюмах, держатся подчёркнуто вежливо, даже отстранённо. И машины странные у них. И ещё будто бы он видел иностранца и даже парочку военных. А мы — якобы самые нормальные посетители за сегодня.

Артём, по-царски устроившийся на заднем сиденье с телефоном в одной руке и яблоком в другой, подался вперёд и обеспокоенно спросил:

— Ты же не хочешь сказать, что все эти люди едут туда же, куда и мы?

— Нет, конечно, — улыбнулась Ксю и хрустнула очередным орешком. — Это мы едем туда же, куда все эти люди.

— Блин, ты серьёзно? Это уже явно перебор. Костюмы, иностранцы, военные... Я думал, у нас милая семейная поездка, а не какой-то саммит! Скажи ей, Рост!

— Я могу остановиться и выпустить тебя в любой момент, знаешь ли, — ответил я.

— Это не смешно!

— Похоже, братец, ты не до конца понимаешь масштаб происходящего.

— Ну так объясните мне! А то каждый раз, как я пытаюсь что-то узнать, звучат одни лишь шуточки и отговорки.

Ксюша вздохнула и отложила свой перекус, настраиваясь на серьёзный разговор. И вновь её голос преобразился: девушка заговорила медленнее и тише, но слова звучали отчётливее, чем когда-либо.

— Хорошо. Я всё объясню. Но слушай внимательно, потому что повторять я не буду. — Ксю решительным движением открыла бардачок

и вытащила из него увесистую папку с чёрной обложкой. Внутри оказалось не менее полусотни листов сплошного текста, изредка разбавленного схематичными рисунками и диаграммами. — Это дерево — *Incertae sedis*. Несмотря на то, что его старательно изучают уже несколько десятилетий, известно нам совсем немного.

— Немногое? — уточнил Артём, косясь на объёмную стопку.

Ксю пошуршала страницами и протянула брату папку, раскрытую на самом начале. Чтобы взять её, Тёме пришлось отложить в сторону смартфон и яблоко, о существовании которых он уже забыл.

— “Процимус, Магнолиопсида инцерте седис”, — с трудом прочитал он и взглянул на Ксюшу. — Это что за заклинание?

— *Procimus* — это название нашего дерева на латинском. *Magnoliopsida* — это класс, к которому оно относится — двудольные. Определить дальнейший порядок уже не удаётся.

— Сделаю вид, что понял, — бодро ответил Артём и вернулся к тексту. — “Впервые описывается древнегреческим учёным”... Так, это неинтересно... “В Средневековье упоминается в различных испанских, португальских, французских, итальянских, греческих, турецких, китайских источниках”... Ля-ля-ля... “В 1789 году был замечен на территории Крымского полуострова российским ботаником”... “Назван симулом”... — Он поднял голову и нахмурился. — Симул... Мне знакомо это слово.

— Я не удивлена, — отреагировала Ксюша. — Слухи о симуле возникают постоянно — и иногда они даже оказываются близки к правде. Ты, как горячий поклонник интернета, наверняка встречал что-то подобное.

— “Первые исследования удалось провести лишь в 1963 году”... “Результаты неудовлетворительны”... “В 1967 году”... “Результаты неудовлетворительны”... “Неудовлетворительны”...

— Дальше в том же духе, — прервала чтение Ксю. — Как видишь, большая часть — это историческая справка и записи о неудачных исследованиях. А вот значимой и полезной информации нам действительно не хватает.

— Мы же говорим о растении, а не о таинственном животном, которое скрывается высоко в горах, верно? Как может не получиться изучить дерево? Оно что, убегает?

— Симул встречается крайне редко. Кроме того, внешне он во многом похож на другие деревья, из-за чего идентифицировать его удаётся лишь после сброса листвы. А это уже слишком поздно.

— Сброс листвы... Симул... — задумчиво повторил Артём. — Вспомнил! Я читал об этом! Но... Разве это не миф, не очередная легенда вроде снежного человека или Лох-Несского чудовища?

— Смотря что ты читал.

— Ну, был один сайт, что-то вроде прибежища для любителей всяких теорий заговоров. И одна из статей на нём описывала крайне необычное дерево. Автор той заметки утверждал, что раз в десять лет оно просто возникает из ниоткуда, материализуется уже выросшим, с ворохом крупных зелёных листьев — и никто не знает, где и когда это может случиться. А затем, спустя несколько месяцев, происходит ещё одно чудо: будто получив какой-то сигнал, опадает листва — вся сразу, без единого исключения; после чего дерево умирает, рассыпаясь буквально на глазах. А через десяток лет появляется вновь, уже совершенно в другом месте.

Артём вдруг замолчал, будто бы задумавшись над сказанным. Бегло просмотрев ещё несколько страниц, он захлопнул папку и вернул её сестре.

— Видели бы вы другие статьи с того сайта, — смущённо добавил он. — Там о беременности от дождя, зыбучем асфальте, инопланетных камнях-шпионах — всё в таком роде. Разве может что-то из этого быть правдой?

— Наш мир — удивительное место. Мы живём на этой планете уже тысячелетия — и хорошо, если правильно понимаем хотя бы половину происходящего на ней. Что уж говорить о том, что находится за пределами Земли? — Палец Ксюши устремился к ясному небу, но разбился о невидимое стекло. — Всё может быть правдой... Что же касается твоей истории о симуле, автор сильно приукрасил действительность. Во-первых...

Для меня продолжение беседы сместилось на самую границу фона, к однообразно-унылому пейзажу вдалеке. Судя по всему, мы приближались к нужному месту, — и я выслеживал поворот, уводящий с чёткой полосы асфальта на узкую, не отмеченную на карте дорожку. Подсказки были где-то здесь: терялись в примятой траве, растворялись в следах шин, прятались среди разбросанных колёсами песчинок. Оставалось только найти их.

Так что единственным слушателем Ксюши на какое-то время стал Артём. С другой стороны, моя внеплановая лекция по биологии состоялась ещё вчера, поэтому я и так знал, что расскажет Ксю.

Во-первых, естественно, симул не возникает из ниоткуда с уже сформированными листьями. Как и другие деревья, он проходит весь путь от крохотного ростка до великана с массивной кроной, только делает это намного быстрее. Внешним видом симул почти не отличается от знакомых нам деревьев: типичное строение, близкая к среднестатистической высота (20–30 метров), обычный ствол, который можно без труда обхватить руками. Отличительной чертой являются листья: пальчатые, похожие на кленовые, но ещё крупнее, с более глубокими прорезями между пластинками.

Во-вторых, симул не появляется раз в десять лет в единственном числе. Да, эти деревья встречаются редко, и да, вырастать они предпочитают в одиночестве, но это вовсе не значит, что одновременно может существовать лишь одно из них.

В-третьих, не совсем верно утверждение о том, что дерево может прорасти в любой точке планеты. Симул предпочитает тёплые, комфортные условия, свойственные мягкому умеренному, субтропическому и тропическому климату. Это сужает область поиска до южных частей Европы, центральной Африки и юго-восточной Азии. В Америке и Австралии симул замечен не был. В России встречается крайне редко, исключительно на территориях, прилегающих к Черноморскому побережью.

— Кстати, Рост, далеко отсюда до моря? — прервала свою лекцию Ксюша.

Я ответил не сразу, опасаясь проскочить нужный поворот. Напрасно: степная трава по правую руку была не просто примята, — её раздавила, расплющила и перемолола целая колонна техники, оставив за собой чёткий, вырезанный в поле след. Я увёл автомобиль с надёжной дороги и направил его на неизвестную землю, полную таинственных приключений, и только после этого дал ответ:

— Порядка тридцати километров.

— Другими словами, недалеко, — сказала Ксю. — Близость моря обеспечивает тёплый и влажный климат, а для симула, который сохраняет листья на протяжении всей жизни, это является определяющим фактором. Чем больше листьев, тем больше требуется питательных веществ для них, понимаешь? В холодных или засушливых условиях наше деревце не выживет.

До этого момента сменявшиеся за окном виды воспринимались нами как что-то постороннее, недостижимое, вроде изображения в кинотеатре, но теперь мы поднялись со своих мест и приблизились к экрану, и очутились по ту сторону, посреди яркого, живого поля. Я чувствовал, как изменились запахи. Я слышал, как трава стучит в днище машины. Но я не смотрел, потому что не имел права отвлекаться от колес, полной неприятных сюрпризов. Одной незамеченной ямы было бы вполне достаточно для того, чтобы всё испортить.

— Ну, а насчёт листьев? — жадно спросил Артём. — Насчёт листьев — правда?

— Да, тут твой сайт не соврал: симул действительно сбрасывает все листья одновременно. И прошлым вечером мой коллега сообщил, что это произойдёт сегодня, в первой половине дня. — Ксю убрала папку и захлопнула дверцу бардачка. — Ещё вопросы есть?

— Есть. Почему, когда речь заходит о твоей работе, появляются какие-то “идентификации”, “среднестатистические”, “факторы”, всякие латинские словечки? Почему нельзя объяснить простым и понятным языком?

— А ты хочешь, чтобы всё было просто и понятно?

— Конечно!

— Тогда, — девушка указала рукой в сторону, — посмотри сам.

Артём наклонился, уставился на что-то поверх моего плеча и загадочно, провокационно хмыкнул. Я на мгновение бросил взгляд на то, что ранее видел лишь краем глаза. Слева — одно-единственное дерево, окружённое мелкой травой и крупными машинами. Издалека оно казалось самым обычным, ничем не примечательным: тёмный ствол да зелёный массив листьев.

— Найти живой симул — невероятная удача, — заворожённо прошептала Ксюша. — С начала века известно лишь о семнадцати подобных случаях. Представь, братец, какое значение это имеет для нас и для всего мира в целом, и не удивляйся, что там могут быть не только мои коллеги, но и политики, и военные, и толпы учёных из разных стран.

— И нам туда можно? — недоверчиво спросил Артём.

— А это мы сейчас узнаем, — ответил я вместо Ксю.

Впереди, заблокировав проторённую дорогу, расположились два чёрных внедорожника, размерами в полтора раза больше моей машинки. Тут же стояли пятеро человек в камуфляжной форме, размерами в полтора раза больше меня.

Я замедлил ход и плавно остановил автомобиль в десятке метров от импровизированной баррикады. Никто не сдвинулся с места. Они рассматривали нас, мы рассматривали их. Двигатель продолжал работать.

Наконец, один из камуфляжников расцепил сложенные на груди руки и неторопливо, словно дорожка каждым сделанным шагом, направился к нам. Помимо формы, он носил непроницаемые тёмные очки, непроницаемые тёмные усы и кепку с надписью “ОП Левиафан”. Такие же кепки были и у остальных. Значит, не военные — частная охрана.

Я опустил стекло как раз к появлению усатого “левиафана”, но не ожидал, что тот облокотится на дверцу и использует образовавшийся проём как рамку для своей головы. Солнцезащитные очки скрывали его глаза, и мы видели лишь собственные лица, искажённые отражением.

— Не знаю, ребятишки, как вас сюда занесло, — произнёс он, — но дальше проезд закрыт. Разворачивайтесь.

Мы отчётливо слышали снисходительную насмешку. Охранник пребывал в уверенности, что имеющиеся на руках козыри дают ему право так говорить. Пока Ксюша не сделала свой ход.

— Что это у тебя? — с лёгкой улыбкой спросил он, разглядывая протянутую карту.

Это был пропуск — небольшой пластиковый документ, открывающий двери и закрывающий рты. Мужчина сдёрнул очки, недоверчиво осмотрел карточку с обеих сторон, взгляделся в лицо Ксюши, сравнивая с миниатюрной фотографией, извиняющимся тоном попросил подождать и отошёл в сторону. После этого до нас доносились только неразборчивые переговоры по рации.

— Я тоже хочу такую штуку, — протянул Артём.

— Не дорос ещё, — напряжённо ответила Ксю, не сводя глаз с охранника. — И я совсем не уверена, что карточка сработает. Нашу компанию обязаны допускать до исследований, но касается ли это всех сотрудников?

Спустя минуту “левиафан” вернулся с пропуском и хмурым выражением на лице.

— Простите за это недоразумение, — пробормотал он. — Можете проезжать. С колеи не сворачивайте. Как доберётесь до зоны — справа будет парковка. Эй! Освободите им дорогу!

Наше путешествие подходило к концу. Заключительный отрезок пути мы провели в молчании, следя за приближающимся симулом, который будто бы рос на наших глазах: ствол становился всё толще, крона — пышнее, а макушка — ближе к небу. Однако дерево по-прежнему выглядело самым обычным, лишённым всякой магии и загадки.

Куда более необычной была обстановка вокруг. Когда-то вольная территория оказалась во власти прогресса — и теперь вместо кустарников из-под земли росли палатки, а вместо диких животных паслась железная техника,

опутавшая симул своими щупальцами-проводами. Хватало здесь и представителей человечества: суетящиеся учёные, узнаваемые по лёгким рубашкам и лабораторным халатам, сбившиеся в кучки политики, терпящие жару в деловых костюмах, стоящие парами охранники и отдельная группа разномастных людей, занявшая обнесённый лентой участок у самого дерева. Никто не заметил прибытия очередной машины.

Найти упомянутую “левиафаном” парковку оказалось несложно — это был единственный островок спокойствия в океане хаоса. И пока я выбирал самое подходящее место для того, чтобы пришвартоваться, Артём с Ксюшей уже отправились в свободное плавание. После нескольких минут размышлений и сомнений я оставил машину комплексовать среди элитных дипломатических автомобилей, лимузинов, укрепленных внедорожников и грузовиков, перевозивших спецтехнику, и догнал друзей только у дерева.

Было в нём что-то неуволимо странное, беспокоящее своей ненормальностью. С первого взгляда симул ничем не отличался от других деревьев: взрывшие почву корни, крепкий ствол с тёмной рельефной корой, раскидистая крона, россыпь яркой зелени. Но если присмотреться...

Я провёл ногой по земле, цепляя подошвой низкую траву. Ни одного опавшего листа. Загляните под любое дерево — и хотя бы одну его чешуйку вы найдёте даже летом; но все листья симула — большие, строго зелёные веера — упорно держались за ветви, на которых родились и выросли.

— Ксения! Эй!

Далеко не сразу мне пришло в голову, что кто-то может называть нашу Ксюшу Ксенией. Повернувшись, я понял, что “Ксения” — это ещё не плохо. Могло быть и “Ксения Вадимовна”.

С извинениями уворачиваясь от представителей науки и власти, к нам спешил низкий, полноватый мужичок. Полноту его особенно подчёркивала неуместно шерстяная, бордового цвета жилетка, будто бы заботливо надетая мамой лет тридцать назад и не снимаемая с тех пор ни при каких обстоятельствах. На небольшом гладком носу мужчины каким-то чудом держались очки с толстыми стёклами, придавая его лицу удивлённо-совиное выражение. Вишенкой на торте комичности стала лысина, настолько естественная, что густые каштановые волосы на её месте вызвали бы даже большее недоумение.

— Добрый день, — улыбнулась Ксюша. Как мне показалось, весьма искренне. — Рада вас видеть.

— Ох, и я рад, — ответил запыхавшийся мужичок. Смахнув капли пота с бровей, он оглядел нас. — Это вы, Ксения, своих стажёров привели?

— Не совсем. Это мой брат, Артём, и мой молодой человек, Ростислав.

— Очень приятно, Артём. Очень приятно, Ростислав.

— Можно просто “Рост”, — поспешил я.

— А это, — повернулась Ксюша, — многоуважаемый Пётр Львович.

Наш новый знакомый сжал губы, но линзы очков выдавали его благодушный настрой, колышущийся в глубине глаз.

— Будет вам, Ксения! Из всего отдела многоуважаете меня только вы.

— Именно Пётр Львович прислал вчера сообщение с подробностями о симуле, — многозначительно добавила Ксю.

— Не стоит благодарности. Однако я несколько не ожидал, что с вами будет кто-то ещё... То есть, вы же понимаете, мероприятие это не публичное...

— Пётр Львович, я видела вашу жену у симула.

Учёный негромко рассмеялся — и сразу же прикрыл рот ладонью и обернулся, будто испугавшись, что кто-то может отчитать его за эту вспышку веселья. Но никто не обратил внимания. За всеми разговорами, изобилующими меткими терминами, за шумом техники и листвы никто даже не различил приступ робкого смеха.

— Тут вы правы, Ксения. Но жена — случай особенный. А некоторые решили пригласить дальних родственников, друзей, знакомых... Те позвали своих знакомых... Не мне, наверное, осуждать их, но чем меньше здесь людей, тем лучше.

“Жена — случай особенный”, — мысленно повторил я и глянул на ого-роженный участок у другой стороны дерева. Чёрно-жёлтая сигнальная лента колыхалась на ветру в нескольких метрах от ствола. За ней разместились около сотни человек: мужчины и женщины, молодые ребята вроде нас, парочка стариков, семья с тремя детьми и целая группа из разновозрастных, но одинаково одетых людей.

— А те, во всём белом, — чьи родственники? — спросил я.

— Это... — Пётр Львович запнулся, подбирая слова. — Это представи-тели субкультуры, которая... скажем так, чрезмерно восхищается объектом нашего исследования.

— Фанатики, — подсказала Ксю.

— Да, Ксения, спасибо. Думаю, можно и так сказать. Они считают, что опавшие листья символизируют очищение и перерождение; с их точки зре-ния, стать свидетелем этого процесса — значит избавиться от всего дурного и греховного. А необходимость ждать неизвестного момента — своего рода испытание.

— И давно они так сидят?

— Это самое интересное. — Пётр Львович снял очки и протёр их кра-ем жилетки. Его глаза оказались непривычно нормального размера. — Мы зарегистрировали симул три дня назад, а полноценное исследование смогли начать лишь вчера. И представьте: к тому моменту они уже были здесь. — Учёный аккуратно вернул очки на нос. — Во избежание скандала пришлось смириться и организовать специальную зону для гражданских, которые всё продолжали прибывать. Только потом мы догадались закрыть территорию и отключить ближайшие вышки связи.

— Вы отключили вышки? — упавшим голосом спросил Тёма.

— Ну конечно. Как выяснилось, интернет совершенно не предназначен для того, чтобы держать что-либо в секрете. Каждый считал своим долгом рассказать о том, что он делает, где находится и как до него добраться. Мы не справлялись с потоком новых людей, работа застопорилась — отсюда ра-дикальные, но логичные меры.

— И когда же... Когда связь восстановится?

— Нескоро, Артём, нескоро. Можете спрятать ваш умный телефон об-ратно: в ближайшее время толку от него не будет.

— Придётся тебе пожить пока без хвоста, — подколот я Тёму.

— Какого ещё хвоста?

Ксюша избавила меня от необходимости разъяснять очевидную шутку:

— Кстати, о времени. Пётр Львович, мы за разговорами не пропустим всё самое интересное?

Учёный взглянул на часы и засуетился.

— Ох, как же вы правы, Ксения! Осталось всего двадцать минут, а ещё столько нужно успеть...

— Чем я могу помочь?

— Ничем, ничем... — Он попятился и поднял коротенькие руки. — Ну, то есть мы справимся сами. Отдыхайте. Можете устроиться в зоне для... Ой!

Пётр Львович врезался спиной в одного из охранников, рассыпался в из-винениях, махнул нам и засеменял к наибольшему скоплению аппаратуры.

— И даже у него есть жена, — пробормотал Тёма.

— Он хороший, — ответила Ксю. — И разбирается в том, что делает. Я промолчал.

Мы заняли очень удобное местечко в тени симула, между одиноким муж-чиной и компанией девушек. И подальше от людей в белых одеждах.

После всей спешки, после бесконечного напряжения, фокусирования внимания на дороге, машине и вождении сам процесс ожидания казался как-ким-то неестественным. Я закрыл глаза и вдохнул так много воздуха, как только смог. Я открыл глаза и попытался увидеть всё и сразу: кристально чистое небо, тёмные леса вдалеке, дышащие ветром поля, птицы-стрелы, травинки-лезвия, машины безмолвные и машины грохочущие, люди застыв-шие и люди беспокойные — и, конечно, дерево.

Непокорный ствол. Широкие ветви. Строго одноцветные листья. Лишь в самой глубине зелёного массива — единственное посветлевшее пятнышко.

— Началось! Вон там, смотрите!

Тот лист бледнел прямо на глазах — и следом за ним меняли свой оттенок и все остальные. Как круги по воде, от центра к краям распространялся этот завораживающий вид: зелень светлела, желтела и краснела. И, когда вспыхнул алым последний лист, раздался одновременный, оглушительный хруст — и вся листва симула рухнула вниз. Мы оказались в эпицентре огненной бури, шелестевшей, ревущей, ласкающей нас своим пламенем. Я чувствовал покалывание в ладонях, прикосновения к лицу, тяжесть на плечах; я попытался встретиться взглядом с Ксюшей, но она растворилась в этом вихре и стала его частью. Её лицо — солнце. Её волосы — лучи. Её глаза — искры.

А потом всё закончилось.

В воцарившейся тишине мы ошарашенно смотрели друга на друга, словно оказались выдернутыми из другого мира. Кто-то откашлялся. Кто-то хлопал. Кто-то отряхнулся и бросился проверять технику.

— Вау... — только и сказал Артём.

Ксюша улыбнулась и молча обняла нас обоих.

Ковёр из опавших листьев доходил нам до пояса, но я смотрел не на них, а на совершенно голый, сухой симул. Он стонал, скрежетал, трещал и ломался. Он умирал.

Это удивительное дерево росло здесь многие годы, берегло листья, не сдавалось под натиском непогоды и времени, а затем погибло в один момент по неизвестной причине. Смерть настигла его внезапно — и это свойственно не только деревьям. Это касается всех нас. Как узнать, сколько времени осталось? Как выбрать правильный момент, пока не стало слишком поздно?

“Просто взять и сделать”.

Я освободился из объятий своей девушки и крепко взял её за плечи.

— Ты выйдешь за меня?

Артём замер. Ксюша моргнула — и изумление в её глазах сменилось весёлой беззаботностью.

— Конечно, выйду, — неловко рассмеялась она.

— Я серьёзно.

Взгляд девушки снова изменился. Она поняла, что я имею в виду. Возможно, она даже поняла, почему я решил сказать это именно сейчас.

— Я выйду за тебя, — твёрдо сказала Ксюша.

— Я... Извини, я кольцо как-нибудь потом подарю.

— Хорошо.

— Хорошо.

Она снова улыбнулась и бросилась на меня, повалив в огненную листву. И на какой-то миг мы вернулись в тот волшебный мир, где время растягивается до бесконечности, а с принятием решений можно не спешить.